

Н. А. Сегал, Ю. С. Коротких
Симферополь, Россия

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ОРОНИМА ОЛИМП
В ТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СМИ**

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматриваются языковые особенности реализации прецедентного оронима «Олимп» в массмедийных политических текстах. Источником анализируемого материала послужили русскоязычные тексты, отражающие разные политические взгляды и идеологические установки, дающие возможность представить объективную картину мира политических событий. С целью описания коммуникативно-прагматического содержания политического текста в данном исследовании предлагается семантико-грамматическая классификация конструкций с ключевым компонентом «Олимп», выявляются особенности языковой реализации данной единицы с учетом прагматических установок авторов текстов. В политических текстах Олимп является локусом, где происходят различные события. В контекстах выявляется организация так называемого «политического праздника». Ряд контекстов организуется с помощью адъективов с локативной семантикой, которые относят Олимп к определенному региону или государству. Достаточно объемный глагольный ряд, вербализующий динамические отношения в политическом тексте, причем более частотна лексика, описывающая продвижение вверх. Нередко подъем вверх характеризуется сложностью, низкой скоростью, возможным преодолением препятствий. Передвижение вверх характеризуется положительно, передвижение вниз — отрицательно. В статье утверждается, что изменение семантики языковой единицы «Олимп» происходит не только на денотативном, но и на коннотативном, прагматическом уровне, где прецедентный ороним «Олимп» приобретает новые семантические признаки. Комплексное описание данной единицы позволяет конструировать фрагмент политической картины мира, представленный прецедентной единицей «Олимп».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прецедентные оронимы; политические тексты; СМИ; язык СМИ; средства массовой информации; медиадискурс; политический дискурс; прецедентные феномены; политическая метафорология, политические метафоры.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Сегал Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Вернадского, 2; e-mail: natasha-segal@mail.ru.

Коротких Юлия Сергеевна, студентка 3-го курса факультета славянской филологии и журналистики, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Вернадского, 2; e-mail: juliakorotkih23@gmail.com.

Современная политическая лингвистика характеризуется возникновением новых объектов исследования, участвующих в формировании политической картины мира. Так, изучение общественно-политической лексики, привлекавшее внимание лингвистов в конце XX — начале XXI в., уступает место изучению политических метафор и других единиц, реализующихся на уровне вторичной номинации.

Целью данной статьи является описание языковых особенностей реализации прецедентного оронима **Олимп** в текстах политических СМИ.

Прецедентные единицы со сферой-источником «Мифология» активно функционируют в текстах политических СМИ. Обращаясь к аудитории посредством подобных единиц, авторы воздействуют на сознание читателя, апеллируя к культурно значимой информации, которая эксплицирует как систему ценностей современного общества, так и индивидуальную систему ценностей отдельных политических субъектов.

Исследование показало, что одним из наиболее активных аксиологически ориентированных феноменов является образ *горы*, представленный как языковой единицей *гора*, так и частными ее вербализаторами — национально ориентированными собственными именами, несущими в политических текстах культурный и прагматический потенциал.

Особенность вертикального членения мира в древней мифопоэтической традиции состоит в том, что в результате наложения оппозиции *верх/низ* возникает трехчленная структура мира: верхний мир (небо, где живут боги), средний мир (земля, где живут люди) и inferнальный мир (ад). Мифопоэтическая традиция изображает мир преимущественно по вертикали. Как правило, мироздание предстает членимым на несколько уровней; в этой связи оппозиция верхнего и нижнего является универсальной. Отмечается, что данная оппозиция трактуется как противопоставление неба и земли, вершины и корней мирового древа [Колесов 2006].

В славянской мифопоэтической традиции оппозиция *верх/низ* является важной для описания структуры Вселенной. Более высокий уровень наделяется характеристикой доминирования по отношению к нижестоящему. Так, *верх* всегда сакрален, он связан с такими понятиями, как Мировая Гора, Мировой Столп, Мировое Древо; олицетворяет защиту, рождение, единство пространства и времени. *Низ* является мирской стороной, связанной со злом, болезнями, женским (слабым) началом и другими отрицательными качествами. Кроме вертикальной асимметрии человеческого тела и мифопоэтических представлений, в основе вертикального членения мира, по убеждению Э. Кассирера, лежит направление гра-

витации, чувственно воспринимаемое человеком организмом (предметы падают вниз и т. д.) [Cassirer 1996: 207]. Символика вертикальной структуры *пространства* наиболее наглядно выявляется в образе мирового древа, функцией которого является соединение различных уровней мироздания.

По мнению ученых, особая значимость вертикальной оси обусловлена вертикальным строением человека, поскольку именно его тело становится основой структуризации пространства (Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Болдырев, Т. В. Булыгина, В. Г. Гак, О. П. Ермакова, А. А. Зализняк, И. М. Кобозева, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, Е. А. Селиванова, Ю. С. Степанов, А. Д. Шмелев, Г. М. Яворская и др.).

Чувственное и рациональное в пространстве человека необходимо рассматривать в их сложном взаимодействии, что определяет глубину содержания ключевых понятийных категорий, особенности их чувственно-образного восприятия и когнитивной интерпретации. Образный компонент в семантике языковых единиц вертикального вектора является более сложным по степени восприятия вторичных пространственных ориентиров. На наш взгляд, это обусловлено тем, что горизонталь представляет собой рациональный уровень: человек передвигается, ориентируясь именно в горизонтальной плоскости. Перемещение в горизонтальном пространстве связано с выбором верного направления, четким ориентированием, изменением маршрута при наличии препятствий. Категоризация пространства в вертикальной плоскости строится при помощи оппозиции *верх/низ* на чувственном уровне, с выявлением образных компонентов. В славянской мифопоэтической картине мира *гора* играла важную роль и интерпретировалась неоднозначно. По наблюдениям Е. В. Левкиевской, *гора* представляет собой вертикаль, связывающую *верх* и *низ*. Именно отнесение горы одновременно кверху (сакральному миру) и низу (мирской стороне) определяет двойственность представлений о горе, с одной стороны, как о чистом, с другой — как о демоническом локусе [Левкиевская 1999].

Обратимся к этимологическому описанию. Связь *горы* с небом отражена в лексике (ц.-слав. *гора* — «верх», горний — «небесный») и ритуальной практике. В славянской языковой картине мира «переселиться в горня» означало «умереть, отойти к Богу» [Афанасьев 1995]. У славян существовало предание о том, что души умерших должны взбираться на крутую, неприступную гору, что еще раз подчеркивает значимость гор для наивной картины мира.

Горы — предпочтительные места для отправления культовых обрядов; в горах часто располагаются алтари, святилища, храмы, религиозные символы. В горах проповедниками обретается откровение. В христианской традиции наиболее известным в этом контексте является библейский сюжет о получении Моисеем скрижалей Завета на горе Синай. Русские летописи сообщают о поклонении славян языческим божествам на горах. На чествование холмов и гор указывают сохранившиеся эпитеты «святые» и «поклонные» горы. В русских заговорах *гора*, с одной стороны, место, где находятся Бог, Христос, Богородица, а с другой — место, связанное с нечистью.

Священная гора в различных традициях рассматривается как центр мира и представляет мировую ось. *Гора* становится местом, где сходятся небо и земля. Так, согласно индийской мифологии, в центре мира стоит гора Меру, окруженная мировым океаном; вокруг нее вращаются солнце, луна и звезды. В китайской традиции существовали представления о горе Куньлунь, соединявшей небо и землю, на которой располагался нижний дворец повелителя Неба Шанди. Название горы Табор в Палестине происходит от слова со значением «пуп». У восточных христиан Голгофа считается расположенной в центре мира.

Значимость образа мировой горы в религиозной традиции обусловила его использование в качестве модели в жилом и храмовом строительстве. Так, остроконечные шатры различных кочевых народов, буддийский и месопотамские храмы имеют своим прообразом очертания горы. По замечанию В. Н. Топорова, мифологические функции *горы* многообразны: *гора* выступает в качестве наиболее распространенного варианта трансформации мирового древа; часто воспринимается как образ мира, модель вселенной, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства. *Гора* находится в центре мира — там, где проходит его ось. Продолжение мировой оси вверх (через вершину горы) указывает положение Полярной звезды, а ее продолжение вниз показывает место, где находится вход в нижний мир, в преисподнюю [Топоров 1980: 311—315].

Две связанные друг с другом мифологемы — *гора — небо* и *гора — нижний мир* — объясняют многие мифологические параллели и большое количество мифов различных культур. Так, например, *гора* как местопребывание богов издревле является одним из устойчивых мифологических мотивов. В. Н. Топоров подчеркивает еще одну сим-

волическую особенность *горы*: «...если божественные персонажи связаны с вершиной горы, то отрицательные персонажи (злые духи, разного рода подземные гномы, поверженные чудовища, змеи, драконы, титаны, принадлежащие к поколению, которое старше богов) обычно связаны с низом горы и даже с ее внутренностью, уходящей в подземное царство» [Топоров 1980: 311—315]. Для воссоздания образа *горы* на материале фольклорных текстов важными являются сказочные образы. В. Я. Пропп отмечает, что, исследуя сказку, мы ищем основы сказочных образов и сюжетов в реальной действительности прошлого. Мы устанавливаем связь с явлениями, описанными в сказке, и представлениями народа о реальности, окружавшей его. Композиция сказки всегда строится на пространственном перемещении героя. Данный тезис подтверждает тот факт, что во всех типах сказок либо злодей уносит персонажа «за высокие горы», либо герой самостоятельно мчится «по горам, по долам». Так подчеркивается большая скорость перемещения в пространстве и огромные расстояния, которые приходится преодолевать герою [Пропп 2000].

Гора в сказках — это граница, преграда, «другое» царство. В волшебных сказках горы могут быть отдельным царством или же царство может стоять на горах. Такие сюжеты, по замечанию исследователей, являются отражением славянской традиции возводить города на холмах и возвышенностях, удобных для обзора местности, неприступных для врагов. Крутые горы, в которых находятся пленники, по представлениям славян, являются почти потусторонним миром, вход в который отыскать непросто. Если же горы в сказке являются царством, то владеет им злая сила. Как правило, в таких горах герой находит богатства или источники с живой и мертвой водой. Когда горы выступают в роли преграды, герой должен либо подняться на гору, либо пройти сквозь нее. Иногда же наоборот, спасаясь от преследования, герой бросает какой-то предмет, из которого возникают горы.

В культурных традициях западнославянских народов в горах находится дракон, который вредит людям, и спящее войско, готовое выйти на бой при наступающей опасности. Гора является пространством любви и смерти, домом солнца и его матери [Bartmińska, Ważkowska, Czyży 1999: 86].

Глубокая мифологическая основа ключевой единицы *гора*, разноплановость ее интерпретаций в различных культурных традициях определяет возможность создания новых символических значений. Значимость

данного образа в политическом дискурсе является бесспорной, поскольку человеку свойственно метафорически ассоциировать власть с верхом, а негативные аспекты политической жизни с низом, что соответствует теории ориентационных метафор Дж. Лаккоффа и М. Джонсона [Lakoff 1993].

Как показал анализ политических текстов, метафорический образ *горы* реализуется в следующих сферах-источниках: *мифология* (Олимп, Парнас), *Библия* (Афон, Голгофа), *реальная действительность* (Эверест, Эльбрус, Говерла). В данной статье представлено описание одного из наиболее ярких экспликаторов образа горы — прецедентного оронима *Олимп*.

Олимп как гора является реалией не только античной, но и современной Греции. Однако в языковое сознание современного носителя русской культуры данный феномен входит именно как мифологический образ, что подтверждается широким рядом примеров, рассмотренных ниже.

В «Словаре греческой мифологии» *Олимп* (греч. Ολύμπτος [ˈolimbɔs], Олимбос) определяется как «самый высокий горный массив в Греции (2917 м). Гора расположена в Фессалии. В древнегреческой мифологии *Олимп* — священная гора, место пребывания богов во главе с Зевсом. Греческих богов именуют „олимпийцами“. На Олимпе находился город-святилище македонян — Дион, город Зевса» [Пигулевская 2008: 167; Кун 1998: 13—15]. Опираясь на этимологические источники, А. В. Хмара выделяет различные точки зрения относительно происхождения номинации *Олимп*: 1. Считается, что лексема *Олимп* произошла от греческого слова *Лампа* (λάμπω), потому что в нем прослеживается определенная фонетическая и смысловая взаимосвязь со словом *Олимп*. В греческом языке данным словом обозначается предмет, основное назначение которого светить, освещать. Поскольку гора *Олимп* характеризовалась как место пребывания богов, она являлась священной. 2. Вторым языком-источником слова *Олимп* является санскрит, где также есть ряд слов, имеющих определенную фонетическую и смысловую связь с данным словом. Среди прочих А. В. Хмара выделяет следующие: *ālamb* (висеть, держаться за что-либо, опираться на что-либо; держать, основываться на чем-л.) и *ālamba* (свисающий; поддержка, опора). Данные слова, по убеждению исследователя, не только созвучны слову *Олимп*, но и сходны с ним по семантике (согласно верованиям древних греков, *Олимп* — это опора, на которой держится огромное пространство, заполненное миром божеств).

3. Вполне вероятной исследователю представляется связь этимологии лексемы *Олимп* с названием горной системы — Гималаи. В номинации греческой горы может содержаться та же основа, что и в топониме *Гималаи*. В санскритском языке есть слово *himaalaya*, образованное от слияния двух слов: *hima* + *aalaya*. Первое из них (*hima*) на русский язык переводится как «зима» (холод), а второе (*aalaya*) — дом, жилище, местожительство. В целом же словосочетание *himaalaya* переводится как «обитель холода» или «обитель зимы». Именно этим словом, *himaalaya*, обозначается высочайшая горная система мира — Гималаи. Не случайно одной из ее характеристик является эпитет «Властитель гор» [Хмара 2010].

В «Толковом словаре русского языка» под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой выделяются два значения лексемы *Олимп*: «1. В древнегреческой мифологии: гора, на которой обитали боги, а также собрание богов. 2. Перен. Избранная верхушка какого-нибудь общества (книжн.)» [Ожегов, Шведова 2006: 452]. В политических текстах, как показал анализ, словарное значение расширяется и насыщается новыми коннотативными смыслами.

В ходе проведения контекстного анализа прецедентного оронима *Олимп* нами была построена семантико-грамматическая классификация, которая в соответствии с частеречной принадлежностью стержневого компонента включает именные и глагольные группы. Обратимся к их характеристике.

Компонентами именных сочетаний, как правило, являются языковые единицы, номинирующие субъектов. Такие субъекты могут быть эксплицированы как именами собственными (*Политический Олимп Путина* (arminfo.info. 15.04.2015)), так и именами нарицательными, имеющими конкретное или собирательное значение. В текстах политических СМИ реализация данного типа языковых единиц происходит посредством следующих лексем: *жители, долгожители, деятели, персоны* и др.

При реализации в политических текстах ядерным компонентом лексемы *долгожители* является не сема 'возраст', выделяемая в денотативном значении, а сема 'опыт': *...по результатам опроса достаточно молодая Партия местного самоуправления обошла таких долгожителей политического Олимпа Украины, как „Оппозиционный блок“, „Демальянс“, „Правый сектор“, „УДАР“, „Народный фронт“* (news.meta.ua. 24.07.2015). Лексема *властитель*, имеющая в словарной интерпретации нейтральную окраску, в политических

контекстах приобретает резко негативную коннотацию и иронический оттенок: *Для простых смертных властители закарпатского политического Олимпа — сплошная загадка* (news.meta.ua. 09.12.2015).

Ряд контекстов обращает внимание на гендерную принадлежность субъектов-политиков, характеризуя как любых политиков женского пола (*Женский путь на политический Олимп* (idelo.ru. 15.02.2015)), так и конкретных политических деятелей. Образ Ангелы Меркель (одного из наиболее видных мировых политиков) эксплицируется через расширенную метафору, включающую гендерные маркеры: *Железный канцлер в юбке, похоже, ржавеет. То, как западные журналисты называют положение в Старом Свете после терактов в Бельгии, Франции и Германии, заметно пошатнуло позиции Ангелы Меркель на политическом Олимпе* (ren.tv. 26.07.2016).

Контекстный анализ показал, что атрибутика женщины-политика является неким символом, закрепленным в сознании граждан того или иного государства: *Спецкор „КП“ Галина Сапожникова побывала в Киевском суде, где идет процесс над Юлией Тимошенко, и поняла: „женщина с косой“ сама захотела в камеру, чтобы вернуться на политический Олимп* (www.nnov.kp.ru. 10.08.2011).

Интересно отметить тот факт, что в текстах политических СМИ не были выявлены мужские характеристики. Это обусловлено, на наш взгляд, тем, что женщина-политик на сегодняшний день в политическом мире является нечастым явлением и привлекает большое внимание участников политической коммуникации.

В политических текстах *Олимп* является локусом, где происходят различные события. В контекстах выявляется организация так называемого «политического праздника». В лексикографической интерпретации лексема «праздник» в первом значении имеет следующую интерпретацию: «1. День торжества, установленный в честь или в память кого-чего-н.» [Ожегов, Шведова 2006: 578]. Сочетаясь с адъективом «политический», данная единица актуализирует компоненты 'проблемы', 'сложности', не свойственные денотативной интерпретации: *Юлия Тимошенко обеспечит праздник на политическом Олимпе* (news.meta.ua. 01.04.2016). В контекстах отмечается, что праздник на политическом Олимпе характеризуется непродолжительностью: *Недолгий праздник на Олимпе местного значения* (www.ng.ru. 25.10.2011).

Весьма активно в политическом тексте реализуется конструкция «игра на политиче-

ском Олимпе». Лексема *игра*, определяемая в словарных источниках в первых двух значениях как «действие по глаголу 'играть'» и «занятие, служащее для развлечения, отдыха, спортивного соревнования» [Ожегов, Шведова 2006: 235], в политических контекстах интерпретируется как с мейоративной, так и с пейоративной коннотацией и приобретает новые компоненты значения. Так, при реализации в мейоративном значении наблюдается расширение синтагматического ряда посредством адъективов с конструктивной семантикой. Лексема «умелый» (в словарной дефиниции — «обладающий умением, обнаруживающий умение, искусный» [Ожегов, Шведова: 832]) определяет позитивный коннотативный фон и указывает на успешный результат: *Грядущий успех — лишь начало в созвездии побед днепропетровского магната: умелая игра на политическом Олимпе может повлечь за собой неприлично затяжную серию успехов* (www.imperyanews.ru. 12.06.2016). Пейоративное значение актуализируется указанием как на невозможность вести политическую игру, так и на заведомый проигрыш: *Для самостоятельной политической игры у зеленых по-прежнему нет ни ресурсов, ни повестки* (mkset.ru. 25.05.2015). Образ политической игры в контекстах может быть реализован и через участвующих в ней игроков — субъектов политики: *Как опытный игрок и долгожитель российского политического Олимпа, он [А. Чубайс] должен прекрасно понимать, что кресло председателя правления РАО „ЕЭС России“ не отвечает ни по устойчивости, ни по профессиональным требованиям его амбициям* (www.ng.ru. 15.09.2012).

Политический текст эмоционально насыщен, что подтверждается высокой частотностью лексем, имеющих негативную оценку уже на уровне лексикографического описания: *на собственном европейском Олимпе все больше зреет раздражение Украиной* (politrussia.com. 12.11.2014); *Кризис на политическом Олимпе* (news.meta.ua. 05.04.2016).

Ряд контекстов организуется с помощью адъективов с локативной семантикой, которые относят *Олимп* к определенному региону или государству: *Российский политический Олимп!* (www.ard-center.ru. 05.10.2011); *все бывшие и нынешние ставленники политика встретились на крымском Олимпе* (24daily.net. 08.03.2014). Другим типом адъективов являются лексемы, относящиеся к сфере «политика»: *Ни для кого не секрет, что многие граждане США не поддерживают деятельность и не разделяют взгляды Клинтон, что, однако, не мешает*

ей двигаться дальше к своей цели, штурмом брать президентский Олимп и претендовать на кресло главы правительства на следующих выборах (КП. 05.03.2014).

Глагольные сочетания, эксплицирующие в политических текстах образ *Олимпа*, являются сложными по структуре и характеризуются наличием коннотации. Наиболее активно в контекстах используются статические и динамические глаголы, апеллирующие к нахождению на вершине *Олимпа* или движению к его вершине.

Статические глаголы представлены прежде всего лексемами с ключевым локативным компонентом. Так, при функционировании глаголов *быть*, *находиться* реализуется сема *место*, а вершина *Олимпа* определяется как цель, достижение которой сопряжено с получением власти и широких полномочий: *Сейчас под люстрацию попали те, кто как раз и отстаивал для него и его команды право находиться на вершине украинского политического Олимпа, откуда беспрепятственно можно управлять страной на свой лад* (set-info.ru. 22.10.2014). Как показывают контексты, большие возможности, которые получает субъект, находящийся на вершине *Олимпа*, характеризуют его как пассивного созерцателя, далекого от реальных проблем общества: *Одно дело — сидеть где-то там на Олимпе и сверху поглядывать, чего происходит, а другое дело — непосредственно, напрямую работать с людьми, чувствовать, что происходит, и нести, самое главное, ответственность за свои слова и дела* (oko-planet.su. 08.04.2016).

Глагольный ряд, вербализующий динамические отношения в политическом тексте, представлен конструкциями *идти в ...*, *подниматься на ...*, *добираться до ...*, *двигаться к ... / по ...*, *лезть на ...*, *карабкаться на ...*, *ползти в/на ...*, *тащиться в/на ...*, *тянуться ...*, *мчаться ...*, *нестись с ...*, *катиться с ...* и др. — всего более 20 единиц. Показательно, что глагольная лексика, описывающая продвижение вверх, в политическом тексте является более частотной. Нередко подъем вверх характеризуется сложностью, низкой скоростью, возможным преодолением препятствий. Данные характеристики очевидны при анализе словарных определений некоторых из рассматриваемых лексем (*карабкаться* — 'взлезть, взобраться с трудом, цепляясь руками и ногами'; *лезть* — 'разг.-сниж. Карабкаясь, цепляясь, проникать внутрь чего-л.'; *ползти* — 'разг. Медленно передвигаться, перемещаться'; *тащиться* — 'перен. разг. Идти медленно, с

трудом, еле переставляя ноги, плестись'; *тянуться* — 'перен. Волочиться, тащиться, двигаться вслед за кем-л., чем-л.').

Отметим, что при интерпретации пространственной семантики языковой единицы *Олимп* возможными являются лишь два направления: вверх и вниз. Как показал анализ, реализация семы *место* в политическом тексте не имеет закрепленной коннотации: грамматические формы не определяют оценку той или иной ситуации. С другой стороны, наличие активного субъекта при динамическом глаголе всегда предполагает оценочность: передвижение вверх характеризуется положительно, передвижение вниз — отрицательно.

Наведенные семы способствуют реализации метафорических значений в коммуникативном пространстве текста. В ядре языковой единицы *гора* в политическом тексте находятся денотативные семы 'направление', 'движение', 'место', 'цель'.

Периферия неоднородна и представляет собой ближнюю периферию, состоящую из семантических компонентов 'интенсивность', 'сложность', 'расстояние', 'настойчивость', 'власть', 'результат', 'воля', и дальнюю, в которую входят семы 'улучшение', 'ситуации', 'ухудшение', 'ситуации', 'препятствие', 'опасность', 'доступность'.

В соответствии с современными лингвистическими теориями разграничение ядра, ближней и дальней периферии лексического значения проводится в работе на основе следующих критериев: 1) ядро составляют семантические признаки с высокой частотностью, стилистически нейтральные, без эмоционально-экспрессивных и временных ограничений, в минимальной степени зависящие от контекста; 2) семантические компоненты, относящиеся к ближней периферии, характеризующиеся низкой частотностью и факультативностью реализации; 3) в дальнюю периферию входят семантические компоненты, обладающие низкой частотностью, факультативностью реализации и, как правило, характеризующиеся стилистическими и эмоционально-экспрессивными ограничениями (см. работы И. В. Арнольд, Ю. Н. Караулова, Л. А. Новикова, З. Д. Поповой, И. А. Стернина). Семантические компоненты, входящие в ближнюю и дальнюю периферию, несомненно, участвуют в формировании образа *Олимпа* в политическом тексте. Важно отметить, что в политических контекстах с ключевым словом *гора* семантические компоненты 'направление' и 'движение' всегда реализуются одновременно. Данный факт, на наш взгляд, обуславливается тем, что в ядре языковой единицы *Олимп*,

объективирующей *верх* пространственной вертикали, при ее реализации в политическом тексте актуализируется семантический компонент 'цель'. *Эксперты: достичь финансового Олимпа с „Пантеон-Финанс“ возможно* (www.vinnitsa.info. 07.02.2014).

Восхождение на политический *Олимп* сопряжено с трудностями, что реализуется в контекстах коннотативно маркированными глаголами *карабкаться*, *взбираться* и их контекстным окружением: *В силу политической ситуации конца 90-х годов только в сегодняшней Украине XXI века, обдирая ногти, многие политики могут вскарабкаться на политический Олимп* (news.meta.ua. 22.10.2015); *...те из политиков, кто сумел взобраться на Олимп, вызывают у коллег зависть и раздражение* (politrussia.com. 28.04.2015). Не менее ярко образность проявляется в конструкциях, построенных на основе фразеологизмов. Фразеологизм *тащить за уши*, имеющий значение «всеми возможными средствами, способами помогать, обычно малоспособному, ленивому человеку» [Фразеологический словарь русского языка 2007: 305], указывает на трудный путь к *Олимпу*, пройти который можно только с помощью более сильных субъектов: *...многих политиков буквально за уши тянули и тащили на вершину политического Олимпа Веймарской республики* (ruskline.ru. 30.07.2015).

Ключевая единица *Олимп* не только функционирует в политическом тексте с семантикой *верха*, но и организует политические контексты с семантикой *низа*. Реализация данного образа происходит с помощью однонаправленных глаголов несовершенного вида *спускаться*, *катиться*, *скатываться*, *падать*, зафиксированных в свободных и связанных конструкциях.

При экспликации семантики *низа* характерна устойчивая пейоративная коннотация, что обусловлено отдалением от цели (вершины *Олимпа*): *Для США настало время спуститься с Олимпа* (inosmi.ru. 27.06.2008). Движение вниз происходит, как правило, более интенсивно: словосочетание *спускаться с Олимпа* имеет пейоративную коннотацию слабой степени интенсивности и характеризует целенаправленное движение вниз активного субъекта; в словосочетаниях *катиться с Олимпа* / *скатываться с Олимпа* наблюдается более интенсивная пейоративная коннотация, связанная с актуализацией семантических компонентов *безысходность*, *бесперспективность*. На наш взгляд, актуализация данных компонентов характеризуется отсутствием четко обозначенной цели и несогласованностью действий со стороны

политических субъектов: **США начал ка- титься с вершины Олимпа. Китай пойд- ет и дальше, ибо у него огромные воз- можности развития, у США их нет!** (kuban.ru. 07.12.2014).

Таким образом, в современном полити- ческом дискурсе происходит актуализация вторичной номинации, благодаря чему в языковой картине мира формируются новые образы, значения, знаки. Одним из наиболее значимых феноменов, реализующим в поли- тическом тексте образные значения, являет- ся прецедентная единица. Исследование показало, что в контекстах прецедентные единицы со сферой-источником «Мифоло- гия» являются весьма активными и могут быть реализованы как текстовыми фрагмен- тами, так и отдельными номинациями. Об- зор массмедийных текстов позволяет сде- лать вывод, что в политической коммуника- ции ороним *Олимп* характеризуется сложнос- тью семантической структуры и особенно- стями семного варьирования. В контекстах данная единица расширяет свой синтагма- тический потенциал, закрепленный в лекси- кографических источниках, и приобретает новые коннотативные смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на при- роду: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других род- ственных народов : в 3 т. — М. : Современный писатель, 1995. Т. 1. 414 с.

N. A. Segal, Y. S. Korotkih
Simferopol, Russia

LINGUISTIC FEATURES OF THE USE OF PRECEDENT ORONYM *OLYMPUS* IN POLITICAL MEDIA TEXTS

ABSTRACT. *The paper discusses the linguistic features of the use of precedent oronym "Olympus" in mass media political texts. The material for this research are texts in Russian that express different political views, opinions and ideological beliefs, which allow presenting the real picture of political events in the world. To describe and classify communicative-pragmatic features of political texts, the research employs semantic and grammatical classification of the phrases with the key component "Olympus". The features of the use of such phrases with regard to pragmatic focus of the text's author are revealed. In political texts Olympus is a locus where different events take place. The contexts include organization of the so-called "political festival". Some contexts include adjectives with locative semantics, which refer Olympus to a certain region or state. There are a lot of verbs in political texts, which verbalize dynamic relations, and describe movement upwards or promotion. Going up often faces difficulties; it is characterized by low speed and abundance of challenges. Going up is positive, going down is negative. The paper argues that the change of the semantics of "Olympus" involves both denotative and connotative pragmatic levels, and precedent oronym "Olympus" acquires new semantic features. Detailed description of this unit allows reconstructing a fragment of political worldview represented by the precedent oronym "Olympus".*

KEYWORDS: precedent oronym; political text; mass media; mass media language; media discourse; political discourse; precedent phenomena; political metaphorology; political metaphors.

ABOUT THE AUTHORS: Segal Natalia Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian, Slavic and General Linguistics, V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Republic of Crimea, Simferopol, Russia.

Korotkih Yuliya Sergeevna, Student of Faculty of Slavic Philology and Journalism, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Re- public of Crimea, Simferopol, Russia.

REFERENCES

1. Afanas'ev A. N. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov : v 3 t. — M. : Sovremennyy pisatel', 1995. T. 1. 414 s.
2. Kolesov V. V. Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste : monogr. — SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 2006. 624 s.
3. Kun N. A. Legendy i mify Drevney Gretsii. — Simferopol' :

2. Kolesov V. V. Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste : monogr. — SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 2006. 624 s.

3. Kun N. A. Legendy i mify Drevney Gretsii. — Simferopol' : Renome, 1998. 480 s. S. 13—15.

4. Levkivskaya E. E. Gora // Slavjanskije drevnosti : etno- lingvist. slovar' : v 5 t. / pod red. N. I. Tolstogo. — M. : Institut slavyanovedeniya RAN, 1999. T. 1. S. 520—521.

5. Nahimova E. A. Precedentnye onimy v sovremennoj rossijskoj massovoj kommunikacii: teorija i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2011. 276 s.

6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. — М. : А ТЕМП, 2006. 944 с.

7. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — М. : Лабиринт, 2000. 336 с.

8. Словарь греческой мифологии / сост. И. С. Пигулевская. — М. : Центрполиграф, 2008. 255 с.

9. Топоров В. Н. Гора // Мифы народов мира: Энциклопедия : в 2 т. — М., 1980. Т. 1. С. 311—315.

10. Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. 3-е изд., стер. — М. : Рус. яз. — Медиа, 2007. 334 с.

11. Хмара А. В. Олимп: этимология названия обители богов. URL: http://www.rusnauka.com/8_NPE_2007/Istoria/20959.doc.htm (дата обращения: 23.10.2016).

12. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: моногр. // Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 176 с.

13. Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 4 : The Metaphysics of Symbolic Forms / ed. by John Michael Krois and Donald Phillip Verene. — New Haven ; London : Yale Univ. Pr., 1996. 237 p.

14. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / ed. A. Ortony. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1993. — P. 202—251.

15. Słownik stereotypów i symboli ludowych / [zesp. red. : Iza- bela Bartmińska, Grażyna Bączkowska, Feliks Czyży]. — Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999. 481 s.

Renome, 1998. 480 s. S. 13—15.

4. Levkivskaya E. E. Gora // Slavjanskije drevnosti : etnolingvist. slovar' : v 5 t. / pod red. N. I. Tolstogo. — M. : Institut slavyanovedeniya RAN, 1999. T. 1. S. 520—521.

5. Nakhimova E. A. Precedentnye onimy v sovremennoj rossijskoj massovoj kommunikacii: teorija i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2011. 276 s.

6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь

russkogo yazyka : 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy / Rossiyskaya akademiya nauk ; In-t rus. yaz. im. V. Vinogradova. 4-e izd., dop. — M. : A TEMP, 2006. 944 s.

7. Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoy skazki. — M. : Labirint, 2000. 336 s.

8. Slovar' grecheskoy mifologii / sost. I. S. Pigulevskaya. — M. : Tsentrpoligraf, 2008. 255 s.

9. Toporov V. N. Gora // Mify narodov mira: Entsiklopediya : v 2 t. — M., 1980. T. 1. S. 311—315.

10. Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka / sost. A. N. Tikhonov (ruk. avt. kol.), A. G. Lomov, L. A. Lomova. 3-e izd., ster. — M. : Rus. yaz. — Media, 2007. 334 s.

11. Khmara A. V. Olimp: etimologiya nazvaniya obiteli bogov. URL: http://www.rusnauka.com/8_NPE_2007/Istoria/20959.doc.htm (data obrashcheniya: 23.10.2016).

12. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii: monogr. // Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. 176 s.

13. Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 4 : The Metaphysics of Symbolic Forms / ed. by John Michael Krois and Donald Phillip Verene. — New Haven ; London : Yale Univ. Pr., 1996. 237 p.

14. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / ed. A. Ortony. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1993. — P. 202—251.

15. Słownik stereotypów i symboli ludowych / [zesp. red. : Izabela Bartmińska, Grażyna Bączkowska, Feliks Czyży]. — Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999. 481 s.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.